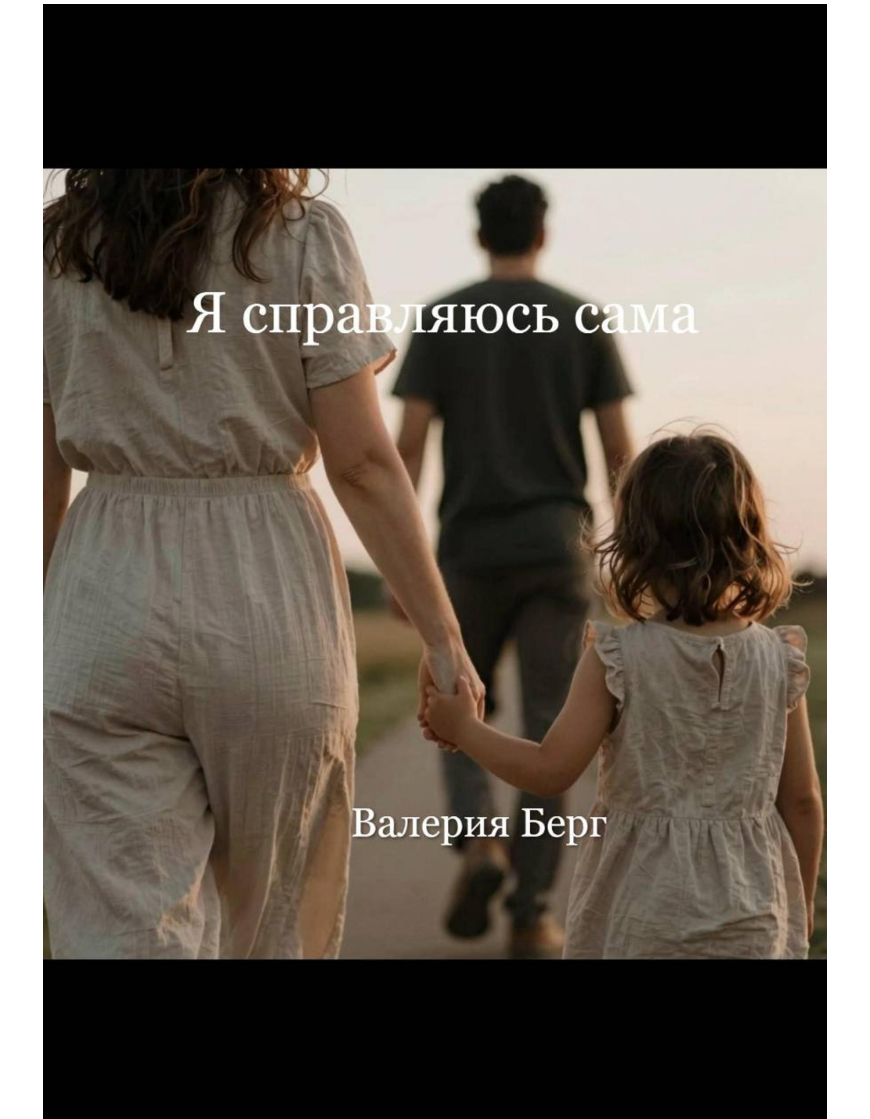

A photograph of a family walking away from the camera on a path during sunset. A woman in a light-colored jumpsuit is on the left, holding the hand of a young girl in a light dress. A man in a dark t-shirt and pants is walking ahead of them. The sky is a warm, hazy orange. The image is framed by black bars at the top and bottom.

Я справляюсь сама

Валерия Берг

Валерия Берг

Я справляюсь сама

<https://litres.ru/74270899>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тема алкоголизма — незаживающая, открытая рана на теле человечества, которая продолжает кровоточить во все времена, в любых странах и сословиях. Страшно и жутко осознавать, как этот недуг безжалостно рушит миллионы семей по всему миру, выжигая дотла всё живое, доброе, человеческое и оставляя на пепелище лишь хаос, горькие слезы и глухое, беспросветное отчаяние. Но более и страшнее всего то, что в самом эпицентре этого кошмара, под перекрестным огнем чужого безумия, оказываются самые беззащитные, ранимые и ни в чем не виноватые — наши дети, верные жены и стареющие матери.

Эту книгу я хочу от всего сердца, с глубоким поклоном посвятить тем, чьи тихие голоса редко бывают услышаны в грохоте чужих пьяных скандалов, — женщинам и детям, ставшим безвинными заложниками чужого порока.

Эта книга — мой личный, глубокий взгляд на невидимые миру, тайные слезы тех, кто обречен любить вопреки всему, оказавшись заложником чужой разрушительной зависимости.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Я справляюсь сама

Глава

Эта книга - художественный вымысел.

Имена ,персонажи, места действия и подслушанные разговоры являются плодом воображения автора.

Автор не имел цели изобразить конкретных реальных лиц или нанести вред чьей-либо репутации.

ОТ АВТОРА

Тема алкоголизма — незаживающая, открытая рана на теле человечества, которая продолжает кровоточить во все времена, в любых странах и сословиях. Этой страшной, разрушительной беде посвящены тысячи публицистических статей, авторитетных научных трудов, медицинских компендиумов и тяжелых, разрывающих душу романов. Ученые раскладывают зависимость на химические формулы, социологи выводят графики, но никто из них так и не смог дать исчерпывающий, точный ответ на один-единственный, бьющийся в висках вопрос: «Почему?». Почему сильные, талантливые и когда-то любящие люди добровольно делают шаг в эту бездну? Алкоголизм давно перерос рамки личной

слабости — это хроническая, изнуряющая болезнь всего нашего общества, которая безжалостно собирает свой страшный урожай, забирая жизни, выкашивая целые города и ломая судьбы поколений еще не рожденных детей.

После выхода моей первой книги «Сдувая пыль с картонных корон» я столкнулась с огромным количеством человеческих историй и просто не смогла, не имела морального права пройти мимо этой всепоглощающей боли. Свою вторую работу я полностью, до последнего слова, посвящаю скрытой трагедии зависимости. Страшно и жутко осознавать, как этот недуг безжалостно рушит миллионы семей по всему миру, выжигая дотла всё живое, доброе, человеческое и оставляя на пепелище лишь хаос, горькие слезы и глухое, беспросветное отчаяние. Но более и страшнее всего то, что в самом эпицентре этого кошмара, под перекрестным огнем чужого безумия, оказываются самые беззащитные, ранимые и ни в чем не виноватые — наши дети, верные жены и стареющие матери.

Эту книгу я хочу от всего сердца, с глубоким поклоном посвятить тем, чьи тихие голоса редко бывают услышаны в грохоте чужих пьяных скандалов, — женщинам и детям, ставшим безвинными заложниками чужого порока. Поразительно и необъяснимо, сколько сверхчеловеческих, почти божественных сил скрыто в хрупкой душе нашей женщины, вынужденной ежедневно проходить все круги земного ада рядом с пьющим мужем или отцом! На их плечах держит-

ся абсолютно всё, когда мир вокруг рушится: они в одиночку тащат неподъемный, изнуряющий быт, воспитывают детей, пытаются сохранить лицо перед соседями и, словно тяжёлый, непосильный крест, волокут на себе самого алкоголика, падающего в пропасть.

Иногда так хочется остановиться, зажмуриться, а потом взглянуть на этот кошмар чистыми, неоскверненными глазами испуганного ребенка... И в этот момент сердце сжимается от невыносимого ужаса. Ведь это не жизнь, не нормальное детство — это настоящий, крошечный ад на земле. Особый мир, где хрупкое детское благополучие держится исключительно на одной лишь слепой материнской вере. Вере в то, что однажды чудо произойдет: родной человек бросит пить, опомнится, найдет работу, и в дом наконец-то вернется долгожданный, благословенный покой. Но ночь сменяется днем, неделя — месяцем, иллюзии тают, а замкнутый круг отчаяния, страха и лжи повторяется снова и снова. И ничего не меняется годами.

Именно поэтому в данной книге я сознательно выбираю особый, непривычный для многих ракурс. Мы посмотрим на эту общественную трагедию не сквозь призму сухих цифр статистики, отчетов МВД или холодных медицинских терминов, а заглянем в самый ее центр — изнутри. Мы увидим её чистыми, но уже глубоко раненными глазами ребенка, для которого родительский дом стал линией фронта.

Главная цель этой работы — показать без прикрас, как

маленькое, беззащитное сердце видит, чувствует и проживает этот ужас. Как на его глазах мать на пределе человеческих возможностей в одиночку вывозит на себе всю тяжесть реальности, бьется за физическое существование семьи и буквально сгорает заживо, отдавая свою молодость. Эта книга — мой личный, глубокий взгляд на невидимые миру, тайные слезы тех, кто обречен любить вопреки всему, оказавшись заложником чужой разрушительной зависимости.

Глава 1. Деревня. Корни и маски.

Наша семья была самой обычной: мама, папа, брат и я. Разница в возрасте с братом составляла три года. Жили мы в деревне. Мама, Ирина, работала главным бухгалтером в колхозе, а отец, Иван, был механиком — чинил сельхозтехнику. Родители много трудились, поэтому и нас с братом с раннего детства приучили к работе. Отца в деревне уважали: говорили, что у него золотые руки. В сезон сенокоса он уходил в поле на своем комбайне — технике настолько капризной, что никто, кроме него, не мог с ней совладать.

Мама запомнилась мне женщиной инициативной и творческой. Она любила петь, участвовала в самодеятельности, обожала нас с братом, читала нам книги и рисовала вместе с нами. И все это успевала, ведя огромное хозяйство. Отец, напротив, был замкнутым: любил читать, смотреть телевизор и молча помогал маме по дому.

Глядя на современных родителей, я вижу, как отцы играют с детьми, возят их на аттракционы, ходят на рыбалку. Наш папа был другим — строгим. Отпуская меня на дискотеку, он четко обозначал время. Не дай бог задержаться хоть на минуту — в следующий раз останешься дома. Уже взрослой я часто вспоминаю эту строгость и понимаю: так было нужно. Это уберегло меня от глупостей и выработало железную пунктуальность. Теперь я физически не умею опаздывать.

Анализируя это время сейчас, я вижу поразительный, горький парадокс нашего деревенского уклада. Наша семья казалась идеальным образцом трудолюбия: уважаемый мастер-отец, творческая и сильная мама, воспитанные дети. Но за этой безупречной картинкой уже тогда незаметно вызревала будущая трагедия.

Наш социум привык оценивать мужчин исключительно по их внешним заслугам — «золотые руки», «уважают в колхозе», «справляется с капризной техникой». Общество слепо прощало и не замечало внутреннюю глухоту, эмоциональную холодность и ту самую строгую, непроницаемую стену, которой отец отгораживался от нас. Его замкнутость казалась просто чертой характера, а жесткая строгость — заботой.

На самом деле эта холодность была первым, еще тихим симптомом глубокого внутреннего неблагополучия. Человек, способный подчинить себе сложнейшие машины, ока-

зался абсолютно беспомощен перед собственными внутренними демонами, от которых он позже начнет малодушно прятаться на дне бутылки.

Тогда, в детстве, этот идеальный порядок и звонкие бабушкины песни казались мне признаком абсолютного благополучия. Мне и в голову не могло прийти, что эта стерильная чистота в доме — не просто любовь к уюту, а отчаянная попытка контролировать хотя бы внешнее пространство, когда внутренний мир семьи давно трещит по швам.

Позже я поняла, что в домах, где живет зависимость, идеальный порядок часто становится своеобразным щитом. Фасад из накрахмаленных занавесок и вымытых до блеска полов создается для того, чтобы упрямо прятать от чужих глаз семейный позор и собственное бессилие перед пьянством деда и отца. За этой безупречной картинкой скрывался многолетний страх, который бабушка научилась маскировать безупречным бытом.

Дедушка тоже был работающим: держал пасеки и построил на этом свой маленький бизнес. Он казался неразговорчивым, но меня любил больше остальных внуков. Мы ходили с ним за грибами и орехами, я помогала ему крутить медогонку. Помню, когда я благодарила его и целовала в щеку, он весь расцветал, а глаза лучились счастьем.

Этот контраст до сих пор отзывается во мне щемящей болью. Суровый, неразговорчивый дед, который в периоды срывов полностью терял человеческий облик, в момен-

ты трезвости оставался чутким и бесконечно любящим. Мой детский поцелуй в колючую щеку мог мгновенно растопить его ледяную защиту.

Тогда я впервые, сама того не осознавая, поняла важную истину: зависимый человек и его болезнь — это не одно и то же. Внутри закоренелого алкоголика, запертого в тисках недуга, часто продолжает жить ранимая, истосковавшаяся по теплу душа. Моя чистая детская благодарность на мгновение становилась для бабушки лучшим лекарством, возвращая ему подлинное, неподдельное счастье.

Кроме моего отца в семье росла дочь Алиса. У тети уже была своя семья, жили они в городе, но периодически навещали бабушку и дедушку. К фигуре тети Алисы и важным моментам ее жизни мы вернемся на страницах этой книги...

Глава 2. Черная воронка и душный шкаф

Меня всегда поражала мама: как бы жизнь ни была ее, она никогда не унывала, умудряясь сохранять оптимизм и заражать им всех вокруг. Сегодня я бы назвала ее женщиной со стальным стержнем. Наверное, эта сила передалась и мне.

Наш отец любил выпить. Эта трагедия не обошла стороной и мою семью. Когда отец был пьян, мне, ребенку, становилось безумно страшно. В такие моменты он не контролировал себя: мог пропасть на несколько дней или поднять на маму руку. Но сильнее всего я боялась за брата. Для отца он становился главной мишенью. Защищая братишку, я прятался

ла его в шкаф.

Уже взрослой я часто спрашивала маму: «Почему ты просто не ушла?» Ее ответ меня поразил. Она призналась, что ей банально некуда было идти. Это было тяжелое постсоветское время, и остаться одной с двумя детьми на руках казалось невыносимым.

Этот горький мамин ответ заставил меня полностью переосмыслить трагедию со зависимых женщин того поколения. В советском и постсоветском обществе не существовало шелтеров, психологических служб или законов о домашнем насилии. «Некуда идти» — это был не просто страх перед одиночеством, это был реальный тупик перед лицом нищеты и социальной изоляции. Мама терпела не потому, что была слабой, а потому, что спасала нас с братом от голода, принося в жертву собственное тело и душу.

Но этот кошмар сотворил еще один страшный парадокс. Из-за отцовского безумия мне пришлось повзрослеть задолго до того, как я пошла в школу. В моменты, когда я закрывала дверцы платяного шкафа, пряча там испуганного брата, я переставала быть ребенком. В эти секунды я принимала на себя роль защитника, взрослого, готового принять удар. Алкоголь разрушал психику отца, но во мне он выжигал трусость. Тот темный шкаф стал местом, где детское бессилие навсегда превратилось в яростное, негибимое желание защитить своих близких вопреки любому страху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.